

была поставлена юрта, въ которой пріѣхавшій князь переодѣлся въ свое парадное одѣяніе и тотчасъ явился къ намъ, со свитою чело-вѣкъ въ десять. Самъ бэйсе молодой чело-вѣкъ, лѣтъ тридцати, немытый и грязный, какъ всѣ вообще монголы. Помимо параднаго краснаго одѣянія, онъ надѣлъ на себя, вѣроятно желая хвастнуть передъ нами, множество различныхъ побрякушекъ, въ особенности серебряныхъ колецъ на руки, которыя тѣмъ не менѣе были грязнѣе самаго грязнаго сапога. Свита князя выглядывала также подъ стать своему повелителю.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ о благополучіи пути, разговоръ перешелъ на самые интересные для насъ предметы: проводниковъ, верблюдовъ, барановъ и т. п. Все это необходимо было намъ добыть для дальнѣйшаго пути въ Тибетъ. Но, къ крайнему нашему удивленію и огорченію, курлыкскій бэйсе, вѣроятно уже получившій должныя внушенія отъ китайцевъ, сразу началъ отказывать во всемъ, отговариваясь то своею неопытною, то трудными для скотоводства годами, то, наконецъ, неимѣніемъ въ курлыкскомъ хошунѣ людей, знающихъ дорогу въ Тибетъ. Пришлось пока выжидать и предложить князю подумать какъ бы устроить насъ на дальнѣйшій путь. Съ тѣмъ бэйсе и уѣхалъ въ свою юрту.

Немного погодя, я самъ отправился къ нему отдать визитъ и возобновить переговоры. Князь вышелъ на встрѣчу и ввелъ меня въ свое временное обиталище. Это была грязная дырявая юрта, противъ лазейки въ которую лежалъ на землѣ красный войлокъ; на немъ я усѣлся вмѣстѣ съ бэйсе. Передъ нами тотчасъ поставили чашки съ чаемъ и дзамбою; съ боку же князя положили баранью требушину, наполненную масломъ. Изъ столь прелестнаго сосуда князь доставалъ своими грязнѣйшими пальцами масло и клалъ его въ чай, какъ себѣ, такъ и своимъ приближеннымъ. Предложено было и мнѣ подобное угощеніе, но я отъ него отказался.

Затѣмъ опять возобновленъ былъ разговоръ о нашемъ дальнѣйшемъ слѣдованіи въ Тибетъ; опять начались со стороны князя и его приближенныхъ рассказы о трудности дороги, неимѣніи проводниковъ, верблюдовъ и т. д. Чтобы сразу покончить эту вздорную болтовню, я велѣлъ своему толмачу монгольскаго языка и главному дипломату при всѣхъ сношеніяхъ съ монголами, уряднику Иринчинову, передать князю, что уже не въ первый разъ путешествую въ этихъ мѣстахъ, знаю хорошо, что въ Тибетъ изъ Цайдама постоянно ходятъ монголы и что, опираясь на свой пекинскій паспортъ, я не только прошу, но даже

Крутое
наше съ нимъ
обращеніе.